

Василий Розанов

УЕДИНЕННОЕ.
СМЕРТНОЕ

T8 RUGRAM

УДК 1
ББК 84(2Рос=Рус)
Р64

Розанов, В.

Р64 Уединенное. Смертное / В. Розанов — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 216 с. — (Русская мысль).

ISBN 978-5-521-78209-3

Вниманию читателя представляются произведения одного из самых оригинальных философов русского Серебряного века - Василия Розанова, раскрывающие его и как глубоко и талантливое писателя, неожиданно для себя создавшего новую литературную форму, «листву». Представляющееся на первый взгляд собранием случайных записей, «Уединенное» являет собой идеально выстроенный шедевр, скрепленный внутренней формой и цельностью авторского видения, проявляющегося лишь в многообразии отдельных взглядов.

BIC HP
BISAC PHI000000

Андрей Тесля

ИНТИМНЫЕ
ДО ОСКОРБЛЕНИЯ

«Почему я издал „Уедин.“?

Нужно.

Там были и побочные цели (главная и ясная — соединение с „другом“). Но и еще сверх этого слепое, неодолимое

Н У Ж Н О.

Точно потянуло чем-то, когда я почти автоматически начал нумеровать листочки и отправил в типографию».

В.В. Розанов. Смертное (1913)

Розанов очень поздно вошел в литературу. Вообще-то это весьма не характерно для России — чаще всего писатели в ней становились знамениты рано, писательство вообще «дело молодое», лишь чуть постарше поэзии. Чаще случалось иное — быстрое начало так и оставалось одним началом без

продолжения, либо затем следовало долгое прозябание на задворках литературы. Если канонические ряды классиков демонстрируют нам своеобразный ряд патриархов, то это больше говорит о роли и значении истории русской литературы в национальном пантеоне, чем о реалиях прошлого.

Гоголь проснулся знаменитым в 22 года, выпустив «Вечера ...», к 27 он уже автор «Миргорода» и «Ревизора», Толстой в 27 лет печатает «Севастопольские рассказы», сразу введшие его в первый ранг русских литераторов, к тому времени не только успев написать и издать «Детство», но еще попытаться стать сельским хозяином, отправиться вольноопределяющимся на кавказскую войну и испробовать себя в целом ряде попутных начинаний — прежде чем на некоторый, довольно длительный, срок найти себя в литературе. Тургенев, долго считавший, что его подлинное призвание — поэзия, развивается медленнее других, но и его звездный час наступает на 29-м году жизни, когда в «Современнике» начинают печататься «Записки охотника».

Розанов, напротив, вступает в литературу уже весьма зрелым. Правда, в 30 лет он печатает за свой счет огромный трактат «О понимании» (1886), экземпляры которого и десятилетия спустя будет дарить знакомым — обижаясь, что его главный философский текст, к которому он сохранит нежность вплоть до смерти, не находит понимания. «О пони-

мании» осталось непонятным — кажется, несмотря на массу попыток обратного, так обстоят дела и по сей день, во всяком случае читатели и поклонники этой книги исчисляются единицами. С начала 1890-х Розанов находит путь в журналистику — начиная с консервативной прессы, печатаясь в «Русском Вестнике», «Московских Ведомостях», «Русском Обозрении», «Русском Труде» и т.д. Спустя годы он будет вспоминать, как чуть не пропал среди всех этих изданий, едва плативших гонорары, мало кем читаемых — и презираемых «хорошей публикой», в которых невозможно было составить себе имя, а разве что погубить его окончательно. Он служит в Государственном контроле, еле сводя концы с концами и стараясь не думать о будущем своих детей и на что их учить, когда подойдет к тому время. Ему все более тесно среди петербургских «славянофилов»: в то время, как они повторяют старое и — кто удачно, кто нет — устраивают свои дела, он все более задается своими собственными вопросами.

С конца 1890-х его дела идут на лад — приглашение А.С. Суворина перейти в «Новое Время» для него спасительно, более чем на десятилетие он окажется избавлен от материальных забот — благодаря сочетанию щедрости издателя и собственному многописанию. В эти же годы он знакомится и сближается с «декадентами», входя в круг «Мира искусства», знакомится с Д.С. Мережковским, с 1901 г. начина-

ются, с разрешения К.П. Победоносцева, религиозно-философские собрания в Петербурге — он находит людей, с которыми может говорить о том, что его волнует, которые если и не разделяют, то отзываются на то, чем он живет — своим «открытием», пониманием связи религии и пола, подозрением, переходящим в уверенность, в бесполости Христа, его враждебности самой жизни. Об этом своем «открытии» он напишет затем в «Смертном»:

«[...] с него начнется новая эра миропостижения, все — новое хоть начинать считать „первый год“, „второй год“. Это, должно быть, было в 1896 или 1897 году»¹.

Первая книга Розанова, имевшая некоторый успех у публики — «Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского», вышла первым изданием в 1894 г., а в 1899—1900 гг. усилиями и на средства П.П. Перцова издаются составленные по темам

¹ Розанов В.В. Смертное [1913] / Подгот. текста и коммент. В.Г. Сукача. — М.: Русский путь, 2004. С. 69.

В конце 1890-х Розанов создает первый законченный очерк «открытия», впервые опубликованный в 2015 г.: Розанов В.В. Тайна. Из записной книжки писателя // Розанов В.В. Полное собрание сочинений. В 35 тт. Т. 2: О писательстве и писателях. Литературные очерки. Тайна / Сост. и науч. ред. тома А.Н. Николюкин. — СПб.: Росток, 2015. — С. 239—603.

сборники статей Розанова — «Сумерки просвещения», «Религия и культура», «Литературные очерки», «Природа и история», затем Розанов уже сам примется составлять подобные сборники. Но в историю литературы он войдет еще позже — в 1912 г. выйдет в свет «Уединенное», за ним в 1913 г. последует первый короб «Опавших листьев» (ранее в том же году будет напечатано «Смертное», но тиражом лишь 60 экземпляров, как домашнее издание) и в 1915 г. — короб второй, завершивший прижизненную публикацию «Листвы», если не считать в числе таковой существенно отличающийся стилистически «Апокалипсис нашего времени» (1917—1918).

Розанов входит в историю литературы, опознается как писатель — создатель нового жанра, пока еще неопределенного — на самом закате своей жизни. Лишь потом, когда значение «Листвы» будет осознаваться, Розанов, уже после смерти, начнет расти в глазах критиков. Мочульский в 1928 г., откликаясь на эмигрантское переиздание «Уединенного», писал:

«Значительность Розанова растет для нас с каждым годом. При жизни его мало замечали. Когда замечали, принимались яростно хулить. [...] Корректный критик издали посматривал на „розановщину“, как на свалку какого-то разнокалиберного сырья, и опускал руки перед не-

возможностью сведения его к „единству“. А так как критика только и умеет делать, что „сводить к единству“, — то Розанов и остался в заштатных писателях»¹.

Мочульский, впрочем, сильно преувеличивает — сказать, что при жизни Розанова «не замечали», никак нельзя. Так, нисколько не претендующий на полноту список рецензий на «Уединенное», составленный Е.В. Барабановым, насчитывает четырнадцать откликов² — и это не считая многочисленных упоминаний о книге вскоре по ее выходу в статьях, не ставящих своей непосредственной целью ее рецензирование. И тем не менее в своем суждении Мочульский во многом прав — о Розанове много говорили, но как философа осознавали в гораздо меньшей степени, а как писателя увидели лишь в последние годы перед смертью. И здесь небольшая вина критиков — ведь до 1910-х годов Розанов рассыпается во множестве газетных статей, он повсеместно признан одареннейшим журналистом, но это если и литература, то одного дня (благодаря которой он научился

¹ Мочульский К.В. Заметки о Розанове [1928] // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. II / Сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. — СПб.: РХГИ, 1995. С. 388.

² См.: Розанов В.В. [Сочинения. В 2 тт.] Т. 2: Уединенное / Сост., подгот. текста и прим. Е.В. Барабанова. — М.: Правда, 1990. — (серия: «Из истории отечественной философской мысли»). С. 638.

ценить, приобрел вкус к «мимолетному»). Ему надо было рассыпаться на еще более дробное (и собраться из него), чтобы оказалось возможным разглядеть в этом большую литературу.

Шкловский в 1921 г., в лучшей из работ, посвященных розановской «Листве», напишет:

«Конечно, в этих произведениях, интимных до оскорбления, отразилась душа автора. Но я попробую доказать, что душа литературного произведения есть не что иное, как его строй, его форма. Или, употребляя мою формулу: „Содержание (душа сюда же) литературного произведения равно сумме его стилистических приемов“»¹.

В этой статье многие (и совершенно справедливо) увидели разбор того, «как сделана „Листва“», делая из этого совершенно ложный вывод, что тем самым ее можно повторить, воспроизводя «его строй, его форму». Множество подражаний розановской «Листве» лишь демонстрировали, что чем тщательнее было подражание, тем дальше от оригинала оказывался результат — мнимая легкость розановского письма, что показывает Шкловский, несет в себе выверенную структуру, бессюжетность

¹ Шкловский В.Б. Розанов [1921] // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. II. С. 323.

в действительности предполагает не только несколько сквозных тем, но и сложную гармонию между ними.

О том, отчего подражателей должна была постигнуть неудача, сказал сам Шкловский — ведь до того, как перейти к «строю и форме», он пишет про «душу автора», в этих книгах отразившуюся: она запечатлелась в «сумме его стилистических приемов», поскольку нам не дано возможности непосредственно передавать себя — все, на что мы способны, это воспользоваться теми или иными опосредованиями. «Душа автора» может не найти адекватной себе формы, так и остаться косноязычной — или найти язык, доступный лишь близким, восполняющим и проясняющим от себя недостаток, делающий сказанное не общесообщаемым — ведь именно тех, с кем у нас подобное взаимосообщение, мы и зовем «близкими», «родными» (по духу, а не по крови), способные к несчастью обнаружить, что есть предел этому восполнению, или, напротив, радостно найти понимание там, где полагали, что наш язык останется немым для них.

Неслыханная свобода, интимность, доходящая «до оскорбления», «цинизм» Розанова, как аттестовали одни критики, его «ницшеанство» по поверхностному сближению других, «порнография», которую увидела прокуратура вслед за добровольными блюстителями нравственности — рождается из